

УДК 81'27:81'42

М. А. Сивенкова
Минск, Беларусь

**О КОЛИЧЕСТВЕ
В ПАРИТЕТЕ С КАЧЕСТВОМ:
метакоммуникативные ходы в русском,
британском и немецком политическом диалоге**
ГСНТИ 16.21.27, 16.21.55

Аннотация. Статья посвящена анализу метакоммуникативных ходов, оценивающих количество переданной политиками информации и совершенных ими речевых действий в рамках парламентских вопросно-ответных сессий и политических интервью. Выделены два основных типа таких оценочных комментариев: метакритика, отражающая избыток информации, а также ее недостаточность. Автор приходит к выводу о наличии тесных взаимосвязей между количественными и качественными аспектами информации в политическом диалоге.

Ключевые слова: парламентский дискурс России, Германии, Великобритании; политическое интервью; сопоставительные исследования политического дискурса; количественная метакоммуникация.

Сведения об авторе: Сивенкова Мария Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации.

Место работы: Минский государственный лингвистический университет.

Контактная информация: Республика Беларусь, 220034, г. Минск, ул. Захарова, д. 21.
e-mail: maria.sivenkova@tut.by.

1. Введение

Одно слово не попадет в цель, тысяча слов смысл потеряют.

Китайская пословица

Контролируя обмен информацией в рамках политической коммуникации, ее субъекты довольно часто пытаются оказывать влияние на тех, кто сознательно или невольно препятствует его эффективной реализации, что происходит за счет элементов экстралингвистической и лингвистической негативной обратной связи. Первая разновидность проявляется, например, в кадровых перестановках, часто следующих за грубой ошибкой политика, а также ответных мерах законодательной регуляции, если имеется правоприменительная практика по совершенному речевому проступку (о речевых преступлениях, выделяемых современным российским законодательством, см. [Кара-Мурза 2009]), а вторая – в появлении в политическом диалоге особых метакоммуникативных ходов, негативно оценивающих речевое поведение адресата [Ilie 2003] (а также, как следствие, в возникновении критики текста как одного из древнейших направлений политической лингвистики, в котором речевые проступки политиков подробно анализируются с предложением соответствующих рекомендаций по устранению выявленных недостатков [Будаев, Камышева, Лекарева, Чудинов 2010]).

Любопытно, что метакоммуникативные ре-

М. А. Sivenkova
Minsk, Belarus

**ON QUANTITY
IN PARITY WITH QUALITY:
metacommunicative moves in Russian, British,
and German political dialogue**

Код ВАК 10.02.19; 10.02.20

Abstract. The article focuses on metacommunicative moves that evaluate the quantity of information transmitted by politicians and the speech actions they have performed in parliamentary question-answer sessions and political interviews. Two types of such evaluative comments are singled out: metacriticism that reflects surplus of information and its insufficiency. The author makes a conclusion about close interconnections between quantitative and qualitative aspects of information in political dialogue.

Key words: parliamentary discourse in Russia, Germany, the UK; political interview, comparative studies of political discourse; quantitative metacommunication.

About the author: Sivenkova Maria Alexandrovna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Department of Communication Studies.

Place of employment: Minsk State Linguistic University.

ники встраиваются не только в речи политиков (где их появление кажется наиболее естественным в связи с большим объемом выступлений по сравнению со многими другими устными политическими жанрами), но инкорпорируются в вопросы-ответные диалоги и полилоги самых разных типов (политические интервью, парламентские сессии, телевизионные дебаты и др.), дополняя обмен мнениями или фактуальной информацией между спрашивающим и отвечающим вербализацией разнообразных коммуникативных недостатков оппонента. Ср. следующий фрагмент вопросно-ответной сессии в Государственной думе РФ, в котором на упрек в неточности, содержащийся в вопросе, следует упрек в невнимательности, инкорпорированный в ответ (за которым следуют опровержение и соответствующее пояснение):

Коломейцев Н. В. Уважаемый Александр Петрович, вы, наверное, были не совсем точны, когда говорили о том, что возникнет конфликт между обществом и правоохранительной системой. Конфликт между обществом и правонарушителями – он есть всегда, поэтому, с моей точки зрения, вообще-то, этот закон как раз хотя бы минимально мог бы воздействовать на алкоголизацию страны со знаком минус. Вы же, я так понял, против этого?

Москалец А. П. Уважаемый Николай Васильевич, в свою очередь должен отметить, что вы не совсем внимательно слушали

меня. О конфликте между обществом и правоохранительной системой я вообще не говорил, таких слов не произносил. Я говорил о возможном напряжении в отношениях между обществом и государством, а это разные вещи [Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы РФ. 14.01.2009].

При этом, естественно, негативная речеповеденческая оценка доводится до сведения как самого нарушителя коммуникативных норм (что может оказаться для него полезным в случае неосознанной ошибки), так и массового адресата – зрителей/читателей/слушателей интервью, дебатов, парламентских прений и т. п. (это, как и любая другая публичная критика, может нанести политику репутационный ущерб в случае серьезности метакоммуникативного обвинения).

Информация, циркулирующая в политическом диалоге, подвергается пристальному мониторингу по нескольким параметрам. Политиков и журналистов интересует как качество сообщаемых сведений (что проявляется в их достоверности, своевременности, значимости для достижения целей общения) и коммуникативно-стилевые особенности представления информации, так и адекватное ее количество.

О важности, например, *достоверности* в политическом дискурсе ярче всего свидетельствуют те негативные последствия для карьеры политика, которые несет в себе сообщение ложной информации в парламенте (как, впрочем, и в других разновидностях политической коммуникации), от необходимости публичного покаяния (ср. извинения за ложь, принесенные в Бундестаге В. Шойбле во время финансового скандала в Христианско-демократическом союзе в 1999 г.) до отставки. Достаточно вспомнить, что введение парламент в заблуждение стало поводом для многочисленных кадровых перестановок в британском кабинете министров. Так, непреднамеренное искажение истины в парламенте повлекло за собой отставку заместителя министра МВД Великобритании по вопросам иммиграции Б. Хьюз в апреле 2004 г., а министр образования Э.Моррис покинула кабинет в октябре 2002 г., забыв о данном ею ранее обещании подать в отставку, если в начальной школе не произойдут изменения к лучшему. Кроме того, к отставке может привести и несоблюдение обещаний, данных политиками друг другу. Так, в мае 2003 г. британский кабинет министров покинула министр международного развития К. Шорт, посчитавшая, что Т. Блэр нарушил обещание о предоставлении ООН главенствующей роли в послевоенном Ираке, которое она дала перед началом войны в Ираке.

Помимо качества информации пристальному мониторингу в политическом диалоге подвергается и ее *количество*, что обусловлено, как и в случае контроля над качеством, экстралингвистическими причинами. При этом губи-

тельные последствия для карьеры политика может иметь как недостаток, так и избыток информации (правда, не столько сам по себе, сколько в сочетании с другими коммуникативными аспектами, подвергающимися критике).

Данное замечание особенно справедливо в отношении такой разновидности предоставления недостаточного количества информации, как ее утаивание, которое в политическом дискурсе по умолчанию приравнивается ко лжи (что демонстрирует взаимообусловленность количественных и качественных аспектов информации). Иллюстрацией тому могут служить отставки генерального инспектора бундесвера В. Шнайдерхана и статс-секретаря Минобороны ФРГ П. Вихерта в ноябре 2009 г. в связи с утаиванием важной информации об авианалете в афганской провинции Кундуз. Лингвистические аспекты данной ситуации будут рассмотрены ниже, а пока отметим лишь, что для доказательства невиновности обвиняемого в подобных случаях (т. е. доказательства неумышленности сокрытия сведений, например в ситуации добросовестного незнания) требуются очень серьезные усилия (например, парламентские расследования, проводимые специально созданными комиссиями).

Избыток информации тоже может привести к карьерным проблемам, если он сопряжен с другими речеповеденческими аспектами, например качественным (скажем, избыток не любой, а *конфиденциальной* информации) или ролевым (к примеру, публичная критика высокопоставленным лицом своих коллег по администрации). Ср. ситуацию с отставкой американского генерала С. Мак-Кристала, вызвавшего гнев Б. Обамы несколькими оскорбительными высказываниями в адрес его соратников, сделанными в нашумевшем интервью журналу «Роллинг Стоун». Показательно при этом, что Президент США в заявлении для СМИ призвал военных к «соблюдению строгих рамок при публичных выступлениях» (выделено нами. – М. С.), а министр обороны США Р. Гейтс после этого инцидента ввел запрет на любые несанкционированные разговоры военнослужащих с представителями прессы.

Сам же по себе избыток информации, циркулирующей в политическом диалоге, по-видимому, не представляет серьезной опасности для политика, хотя и может весьма существенно осложнить протекание информационных обменов. Так, например, в проанализированных нами стенограммах парламентских заседаний встречались ситуации многократного – практически безнаказанного – повтора одного и того же вопроса или ответа, вызывавшие раздражение/гнев участников вопросно-ответных сессий в связи с очевидной неэффективностью политической коммуникации.

Целью данного исследования является анализ негативных метакоммуникативных реплик, оценивающих количество сообщаемой ин-

формации (далее – количественной метакритики). Материалом послужили фрагменты диалогов, содержащие количественную метакритику, почерпнутые из интервью с современными русскими, британскими и немецкими политиками, а также фрагменты вопросно-ответных сессий в парламентах России, Великобритании и Германии.

2.1. Метакритика, отражающая избыток информации

Информации не бывает слишком много.

Д. М. Пенроуз. «Легенды и мифы делового общения»

Избыток информации чаще всего вызывает нарекания субъектов политического дискурса в ситуации повтора одного и того же речевого действия (в основном вопроса, критического замечания или речевого акта аргументации). При этом в арсенале политиков имеется несколько вариантов реакции: от более или менее нейтральной констатации избыточности речевого действия (*You made this point; Но я уже отвечал на этот вопрос; Я не хотел бы повторять то, что я уже говорил ранее*) до коммуникативных ходов, передающих некоторое смущение, вызванное необходимостью повторять неоднократно сказанное ранее (*I am slightly confused, because I have answered that question three times*), а также раздраженных реплик в адрес незадачливого коллеги или журналиста (*I have been asked this question ad nauseam in the campaign; Das war eine selbstironische Bemerkung, die mir aber später immer wieder um die Ohren geflogen ist* – ‘Это было самоироничное замечание, которым мне позднее прожужжали все уши’; *Ну, если мне будут восемь раз один и тот же вопрос в разной форме задавать, то я вынужден буду восемь раз одно и то же говорить*).

При этом иногда задействуются агрессивные метафоры (ср. следующую оценочную реплику, в которой парламентарий, настойчиво повторяющий одну и ту же идею несколько раз, назван дятлом: *I know that the hon. Gentleman will not take umbrage if I suggest that he is as persistent a woodpecker in the House as there is to be found*), а также ироничные и/или насмешливые комментарии (*Auch das musste mal wieder gesagt werden! Ist Ihr Computer eigentlich kaputt, sodass Sie immer dieselbe Rede halten?* – ‘Это тоже нужно было еще раз сказать! У Вас что, собственно, сломался компьютер, и поэтому Вы всегда произносите одну и ту же речь?’). За подобными количественными оценками без труда прочитываются качественные (‘То, что вы говорите, плохо, потому что это неново/нецелесообразно/неэффективно. Я хочу это прекратить’).

Помимо повторов, ситуация избытка информации обнаруживает тесную связь с особенностями процесса ее распространения. При

этом критике чаще всего подвергается чрезмерно возбужденное состояние субъектов политического дискурса (ажиотаж, истерия). Ср.:

Л. Слиска. ...Я являюсь соавтором этого законопроекта и полагаю, что ничего страшного здесь нет. ... И думаю, что **вот такая истерия, которая сейчас разразилась вокруг этой законодательной инициативы**, – это как раз те, кто очень не хотят, чтобы появился депутатский контроль в этих структурах. ... **Я просто не могу понять, почему сейчас так все возбудились.** Этот закон действовал с 93-го года до 98-го года. ... **Никогда ни у кого никакого ажиотажа, возмущения это не вызывало.** Сейчас, когда Государственная дума предлагает такой вариант, сейчас все почему-то решили... [Эхо Москвы. В круге СВЕТА. 04.03.2006].

Как видим, категория количества и в этом случае оказывается связанной с качеством, ведь избыток информации в ситуации ажиотажа препятствует принятию адекватного решения по обсуждаемой законодательной инициативе, и именно поэтому негативно оценивается политиком.

Недовольство субъекта политической коммуникации может вызвать и некритическое отношение к процессу передачи информации (в чем, по мнению политиков, как правило, оказываются виноватыми представители медиасреды). Ср. жалобу премьер-министра Баварии Х. Зеехофера на безответственное поведение журналистов, прозвучавшую в ответ на «недобный» вопрос о том, правда ли, что политик намеревается переехать в Берлин после следующих выборов (т. е. пренебречь интересами баварцев ради карьерного роста): *Das wird mal von einem irgendwo geschrieben und dann wird es immer wieder abgeschrieben und dann wird das kommentiert. Und dann wird wieder jemand in einem Interview dazu befragt usw.* – ‘Вот сначала это кем-то где-то пишется, потом постоянно списывается, а потом комментируется. А потом у кого-то об этом спрашивают в интервью’ [Alpha-Forum. 03.07.2009]. Суть количественно-качественной оценки, адресованной премьер-министром Баварии представителям медиасреды в данном фрагменте интервью, сводится, видимо, к следующему: «Журналисты виноваты в недостоверности данных сведений, поскольку печатают много непроверенной информации», – т. е. фактически им инкриминируется такое речевое преступление, как диффамация [Кара-Мурза 2009: 59–60].

Другой любопытный тип анализируемых коммуникативных проблем, являющийся специфичным для институционального общения в парламенте, представлен флибустьерством (англ. *filibustering*) – затягиванием времени с целью обструкции нежелательного законопроекта за счет внесения бесконечных поправок, а также произнесения чрезмерно пространных речей [Dictionary of Politics and Government: 96–97].

Упоминания о данной разновидности не-кооперативного речевого поведения политиков обычно происходят в контексте американской политической жизни, поскольку в сенате не возбраняются дебаты, не ограниченные по времени, чем и пользуются флибустьеры. Для того чтобы положить конец обструкции, требуется, чтобы предложение о прекращении прений было поддержано тремя пятью сенаторов (чего не всегда легко добиться в случае хорошо подготовленной акции). Флибустьерство возможно и в британском парламенте, но лишь в отношении законопроектов, внесенных депутатами, не занимающими правительственный пост, поскольку правительственные законопроекты имеют соответствующие механизмы защиты (например, гильотинирование прений, состоящее в заблаговременной договоренности о времени начала голосования) [Dictionary of Politics and Government: 96–97; 108].

Несмотря на то что в классическом виде данный термин относится к срыву процесса дебатирования (когда коммуникант не дает другим возможности выступить, аргументировать альтернативную точку зрения либо проголосовать), как показывает анализ фактического материала, упреки во флибустьерстве иногда экстраполируются и на другой парламентский поджар – вопросно-ответную сессию. Ср. следующий фрагмент парламентского вопроса, в котором Генеральный казначей Великобритании Д. Примароло подвергается метакоммуникативной критике за «многословное флибустьерство», допущенное в предыдущем ответе, превысившем длину других ответов министра более чем в три раза (192 vs. 60 словоупотреблений):

Mr. Wilkinson. *Nobody in this House, and certainly no independent IT specialist or anyone running a consultancy company outside this House, will be impressed by the verbose filibuster of the Paymaster General in response to the sensible question from my hon. Friend the Member for Altrincham and Sale, West (Mr. Brady)* [Hansard Records. 29.03.2001].

По иронии данный упрек-плеоназм подчеркивает несовершенство высказываний самого субъекта критики Дж. Уилкинса, которому можно было бы инкриминировать – с поправкой на жанр – если не флибустьерство (хотя после процитированного выше метакоммуникативного фрагмента он успел задать три вопроса вместо одного, как положено по правилам), то стилистическую небрежность (тавтологию). Любопытно, что в данном случае спикер занимает сторону коммуниканта-критика, предлагая министру отвечать покороче (*Order. Before the Minister replies, may I appeal for a shorter answer?*), оставив без внимания коммуникативные промахи самого критика, как то имеет место в аналогичных коммуникативных ситуациях. Отметим, что в нашем англоязычном корпусе имеется немало примеров, в которых спикер

реагирует ответными метакоммуникативными упреками на высказывания коммуниканта-критика, вероятно, демонстрируя таким образом стремление к объективности по отношению ко всем участникам дебатов.

Любопытно, что упреки в злоупотреблении вниманием аудитории подобного рода встречаются и в бундестаге ФРГ, где флибустьерство в настоящее время вообще невозможно в связи с наличием темпоральных ограничений при выступлении. Ср. следующий фрагмент парламентской вопросно-ответной сессии, в котором представитель оппозиции Х. Отт выражает недовольство предыдущим ответом, данным заместителем министра экономики и технологии Х. И. Отто: *Herr Kollege, das ist offensichtlich Filibustern, was Sie hier machen. Ich bitte Sie, meine nächste Frage kurz zu beantworten, damit noch mehr Fragen gestellt werden können.* [Bundestag. 9.06.2010] – ‘Г-н коллега, то, что Вы сейчас делаете, является очевидным флибустьерством. Я прошу Вас ответить коротко на мой следующий вопрос, чтобы можно было еще задать другие вопросы’.

Следует отметить, что, помимо затянутости, ответ политика грешил еще и тем, что содержал несколько метакоммуникативных реплик-прогнозов того, как представители оппозиции повели бы себя, если бы правительство приняло альтернативное обсуждаемому решение, намекающих на излишнюю критичность оппозиционных партий и придающих рассуждениям политика чрезмерно гипотетический характер. Наш количественный анализ данного фрагмента вопросно-ответной сессии показал, что упрек во флибустьерстве и требование отвечать более лаконично последовали после того, как длина ответа политика превысила в четыре раза (!) его же средний показатель по предыдущим ответам: 649 vs. 162 словоупотреблений. Отметим, что, несмотря на опровержение со стороны министра и отказ отвечать (*Ich kann Ihre Frage nicht erkennen. Ich weise auch den Vorwurf der Filibusterei zurück* – ‘Я не признаю Ваш вопрос. Я также отклоняю упрек во флибустьерстве’), метакоммуникативный оценочный комментарий возымел определенный эффект, поскольку последующие ответы Х. И. Отто стали в среднем короче в 1,6 раза (102 словоупотребления).

Отметим, что неодобрение вызывают не только длинные ответы, но и длинные вопросы, которые политики пренебрежительно называют лекциями (*Das ist ja eine Vorlesung!* – ‘Да это же лекция’) или диссертациями (*That was not a question – it was a sort of dissertation*).

К сожалению, тенденция задействовать академические термины в пейоративных контекстах не ограничивается рамками политического дискурса. Подобные комментарии возможны как в неофициальном межличностном общении, так и в некоторых профессиональных подъязыках. Так, автору неоднократно прихо-

дилось быть очевидцем того, как профессиональные гиды называли *лекциями* фрагменты экскурсий низкого качества, представленные соискателями на собеседовании для получения лицензии экскурсовода или гида-переводчика. При этом экскурсии, получившие такую оценку, характеризовались самыми разными недостатками методического и презентационного плана: нарушали каноны экскурсоведения, произносились монотонным голосом, не содержали элементов интеракции со слушателями и др. (в отличие от политиков, у которых основанием для метафорического переноса служит, насколько можно судить, такой признак, как объем сообщения).

Помимо длины вопросов вызывает осуждение и их чрезмерное количество. Так, в обязанности ведущего (спикера в Палате общин, президента в Бундестаге, председательствующего в Государственной думе) входит пресечение нарушения правил проведения вопросно-ответных сессий, включающих ограничения на количество разрешенных вопросов. При этом спрашивающему зачастую указывают на то, сколько вопросов он уже успел задать, а отвечающего предостерегают против затянутого ответа (ср.: *That was four questions, but one answer will suffice*). Другой вариант корректирующего вмешательства ведущего представлен метакоммуникативными призывами к лаконичности, обращенными ко всем участникам вопросно-ответной сессии:

Mr Speaker. Order. The House really must start to behave itself. We have made slow progress – [Interruption.] Order. That progress must get faster from now on, with short questions and short answers (21.07.2010).

Более тонкой формой подобного вмешательства спикера являются, на наш взгляд, прогнозы корректного поведения, которого ведущий парламентского заседания хотел бы добиться от депутатов:

Mr Speaker. Again, I am afraid that that question was a little on the long side. I know that the answer will not be (9.06.2010).

Однако стремление получить короткий ответ зачастую оформляется в виде речевых ходов – просьб/ходов – требований, вставляемых в вопросы самими парламентариями. При этом депутаты как бы присваивают себе часть полномочий спикера, пытаясь регулировать продолжительность ближайшего речевого действия: *In passing, would he like to comment on what the Deputy Prime Minister said at Prime Minister's questions about Iraq being an illegal war?* (Просьба ответить коротко.)

Как видим, в распоряжении коммуникантов имеется несколько вариантов превентивных ходов, призванных повлиять на характер ответа, различающихся разной степенью категоричности.

Таким образом, избыток информации препятствует эффективной реализации коммуни-

кативных целей парламентариев и, как следствие, подвергается метакритике как со стороны самих участников вопросно-ответных сессий, так и со стороны ведущего с целью устранения данного недостатка. Кроме того, в распоряжении депутатов имеется целый репертуар коммуникативных средств регуляции объема вопросов и ответов.

Что же касается избытка информации в интервью, он особенно ожесточенно критикуется политиками в том случае, если касается оппонентов и контрастирует с количеством информации, доступной в СМИ о субъекте метакритики и его коалиции. Ср. фрагмент из интервью с Г. А. Зюгановым, в котором речь идет об особенностях предоставления эфирного времени разным партиям:

Г. А. Зюганов. Включаешь телевизор – Путин, Жириновский. Жириновский, Путин. Мне казалось, что партия власти хотя бы попытается дистанцироваться от этой грязной, мерзкой, омерзительной жириновщины, которая сочится из всех каналов. ... Вчера даже главные каналы, Первый и Второй, ни одной картинки о нас не показали, хотя у нас прошли блестящие мероприятия! [Эхо Москвы. 24.11.2007].

В целом, несмотря на разнообразие метакоммуникативных речевых действий, негативно оценивающих избыточность информации в политическом диалоге, субъекты политического дискурса, видимо, предпочитают излишнюю болтливость другой крайности – молчанию, поскольку оно ассоциируется у них с разнообразными проявлениями слабости: отсутствием надежных аргументов, поддерживающих их позицию, опасностью быть уличенными в утаивании каких-либо негативных сведений от общественности, невыполнением своих профессиональных обязанностей и др. Как отмечает К. Илие, упреки в молчании в парламентском контексте часто означают, что оппозиция не выполняет своей институциональной роли, предполагающей внесение альтернативных предложений [Ilie 2004: 46].

Естественно при этом, что в рамках политического дискурса теряют релевантность трактовки значимости молчания, представленные в многочисленных пословицах, поговорках и афоризмах, подчеркивающих его пользу и осуждающих болтливость (ср., например, русскую пословицу *Слова – серебро, а молчание – золото*, абхазскую *Лишнее слово надоедает*, узбекскую *Болтливый оратор любое собрание рассстроит*, афоризм С. Бранта из поэмы «Корабль дураков» *Молчанье – щит от многих бед, а болтовня всегда во вред и мн. др.*). Как справедливо отметил британский лингвист Э. Биэрд, «победители говорят – говорят со всей уверенностью, которой располагают, и сражают как можно большее число оппонентов» [Beard 2000: 106; перевод наш. – М. С.].

2.2. Метакритика, отражающая недостаточность информации

Не всякую правду сказать можно: об одной умолчи ради себя, о другой – ради другого.

Б. Грасиан. «Карманный оракул»

Нехватка информации о политике или его партии может быть обусловлена как упоминавшимися выше проблемами, связанными с распределением эфирного времени, так и самим режимом взаимодействия с представителями медиасреды. Ср. фрагмент уже цитированного выше интервью с лидером Коммунистической партии РФ Г. А. Зюгановым:

Г. А. Зюганов. ...Это не дебаты, когда в 7.05 говорят: «Вам 30 секунд, и вы должны рассказать, что вы будете делать по проблеме национальной безопасности». Это идиотский вопрос, потому что на него можно мало-мальски ответить за 10-15 минут. За 30 секунд вы скажете три фразы, которые ничего толком не значат и не весят [Эхо Москвы. 24.11.2007].

Другая разновидность метакритики, отражающей проблему нехватки информации, связана с ситуацией сокрытия от общественности каких-либо важных сведений. Так, министр обороны ФРГ Ф. И. Юнг подвергся в сентябре 2009 г. ожесточенной критике в связи с его коммуникативной реакцией на ситуацию вокруг бомбардировки в Кундузе: министр вначале скрыл от парламента информацию о жертвах среди гражданских лиц, а также своевременно не выразил необходимых в данной ситуации соболезнований родственникам погибших и сожалений о случившемся. Ср. фрагмент метакритики министра из газетного интервью, в котором представительница оппозиции К. Рот оценивает его поведение как «опасно некомпетентное»:

Zeit. Wie beurteilen Sie das Verhalten des Verteidigungsministers?

Roth. ...Dass Verteidigungsminister Jung darauf so kalt schnäuzig ignorant reagiert hat, ist ein Desaster. Jung erweist sich als gefährlich inkompotent. **Er hat das Parlament nicht hinreichend informiert**, er hat kein Wort des Bedauerns über die Lippen bekommen... [Zeit. 10.9.2009].

‘Цайт. Как вы оцениваете поведение министра обороны?’

Рот. ...То, что министр обороны Юнг продемонстрировал такое откровенное невежество, является катастрофой. Юнг обнаружил свою опасную некомпетентность. Он недостаточно проинформировал парламент, он не выразил ни малейшего сожаления...

Данная ситуация послужила для многих немецких государственных деятелей поводом к переоценке информационной политики правительства ФРГ (*Die Informationspolitik dieser Bundesregierung zu Afghanistan ist ein Desaster –*

‘Информационная политика этого правительства в отношении Афганистана – это катастрофа’; бундестаг, 8.09.2010), а в адрес министра Юнга было высказано множество претензий за ложь, попытки замять дело и непрофессионализм. Кроме того, его коммуникативное поведение подвергалось подробному анализу (в том числе и в рамках особого парламентского расследования) с приведением примеров того, как следовало бы себя повести после бомбардировки в Кундузе. Ср. фрагмент парламентской речи, в котором представитель оппозиционной партии Ю. Триттин ставит министру Юнгу в пример коммуникативное поведение американского генерала С. Мак-Кристала, командующего Международными силами содействия безопасности в Афганистане (по ironии судьбы ушедшего в отставку 9 месяцев спустя, в июне 2010 г., в связи с несколькими недипломатичными публичными высказываниями в адрес ряда американских чиновников, о чем уже упоминалось выше):

Jürgen Trittin. ...Nach dem Vorfall hat er (Stanley McChrystal) sich an den Ort des Geschehens begeben. Er hat mit den Opfern gesprochen. Er hat sich entschuldigt. Er hat sich also gemäß den neuen Einsatzrichtlinien für solche Zwischenfälle verhalten, die lauten: „apologize“, „compensate“, „investigate“ – entschuldigen, entschädigen und dann untersuchen. Das ist die richtige Reihenfolge, und die hätte ich mir auch von unserem Bundesverteidigungsminister gewünscht.

Wie sind Sie vorgegangen? Sie haben als Erstes die Unwahrheit gesagt. Sie haben behauptet, das Ganze habe sich in 40 Minuten abgespielt. Die Wahrheit ist: Es hat sechs Stunden gedauert. <...> Schließlich haben Sie gesagt, Sie seien sicher, es habe keine zivilen Opfer gegeben. Im Ergebnis geben Sie heute zu, dass eine solche Möglichkeit nicht auszuschließen ist. Ihr Grundsatz ist ein anderer als der, den die Amerikaner an dieser Stelle beherzigt haben. Ihr Grundsatz lautet offensichtlich: Vertuschen, leugnen und, wenn es gar nicht anders geht, sich für das entschuldigen, was man vorher bestritten hat [Bundestag. 8.09.2010].

Юрген Триттин. ...После этого инцидента он (Стэнли Мак-Кристал) отправился на место происшествия. Он поговорил с жертвами. Он извинился. То есть он действовал в соответствии с новыми директивами, регулирующими подобные происшествия, которые гласят: “apologize”, “compensate”, “investigate” – «извиниться», «компенсировать» и затем «исследовать». Это правильная последовательность действий, и мне жаль, что наш министр обороны ею не воспользовался.

А как Вы действовали? Первым делом Вы сказали неправду. Вы утверждали, что все произошло за 40 минут. А на самом деле все длилось шесть часов. ... Наконец, вы сказали, что уверены, что жертв среди мирного населения не было. В итоге сегодня Вы признае-

те, что такую возможность нельзя исключить. Ваши правила отличаются от тех, которыми руководствовались американцы. Ваши правила звучат, очевидно, так: замять, отрицать и, если по-другому не получается, извиниться за то, что до сих пор опроверглось.

Уникальность данной коммуникативной ситуации состоит в том, что громкий политический скандал вокруг «кундузского дела» стоил политику и второго портфеля (т. е. за одну ошибку он поплатился дважды): под давлением оппозиционных партий Ф. И. Юнг ушел в отставку и со своего нового поста министра труда 30 ноября 2009 г., проработав в этой должности лишь 33 дня (что стало самым коротким в истории ФРГ сроком нахождения министра в должности).

Помимо сокрытия информации, осуждению в политическом диалоге подвергается и ее неполнота, которая чревата количественной метакритикой (*Does he accept that the Government cannot be selective about those data?* – Вы лишь частично ответили на мой вопрос; *Frau Staatssekretärin, ich bin nicht der Auffassung, dass die Frage, die ich gestellt habe, damit vollständig beantwortet ist* – Г-жа заместитель министра, по моему мнению, на вопрос, который я задала, не был получен полный ответ), переспросами, а также потенциальной угрозой искажения смысла. В этом плане представляет интерес следующий фрагмент вопросно-ответной сессии, в котором Ю. В. Коган, представитель фракции ЛДПР, задает вопрос, посвященный судьбе автопрома, министру финансов РФ А. Л. Кудрину. В своем вопросе политик называет антикризисную программу «затыканием дыр», на что следует такой ответ ministra:

А. Л. Кудрин. Уважаемые коллеги, по «АвтоВАЗу». По «АвтоВАЗу», может быть, **неполная информация у вас [1]**, в принципе вы с ней можете ознакомиться в полном объеме: минпром может её предоставить и, думаю, она и «АвтоВАЗом» будет опубликована [2]. Суть этой меры многогранная. Выдать на год беспроцентную ссуду 25 миллиардов – это только часть поддержки, которую берет на себя государство в лице корпорации «Ростехнологии». В чём смысл этой меры? Она запускает весь механизм модернизации «АвтоВАЗа» [3], это не закрытие дыр, как вы сказали, а это в данный момент расшивка [4]... [Госдума. 6.04.2009].

Как видим, анализируемый ответ содержит количественную метакритику (компонент 1), переадресацию к источнику полной информации (компонент 2), восполнение некоторых информационных пробелов адресата (компонент 3), а также ход, корректирующий неверную интерпретацию Ю. В. Коганом ситуации вокруг автопрома (компонент 4), содержащий интересную замену швейной метафоры из вопроса на дру-

гую, более подходящую, по мнению отвечающего, метафору из той же тематической области.

Таким образом, ситуация недостатка информации у спрашивающего влечет за собой появление таких формулировок в вопросе, на которые отвечающий не может не отреагировать несколькими оценочными и пояснительными речевыми действиями. Иными словами, она провоцирует отвечающего на своеобразную работу над речемыслительными ошибками спрашивающего.

Следует также отметить, что недовольство по поводу неполноты информации иногда принимает форму критики ответов за их слишком общий, неконкретный характер (ср.: *Die Antworten, die wir auf unsere Fragen bekommen, sind oftmals sehr allgemein* – ‘Ответы, которые мы получаем на свои вопросы, часто являются слишком общими’; *Всё хорошо, но нет конкретики в цифрах по годам*), а также реализуется в виде призывов к конкретике, что может быть указанием на типичность такой проблемы в парламентских вопросно-ответных сессиях (ср. *I ask the Secretary of State this specific question; Давайте конкретно, безо всякого словоблудия: какое преимущество имеет ваше заявление по сравнению с заявлением, предложенным комитетом?*; *Всё-таки скажите, пожалуйста, вы можете назвать конкретно, каких банков касается этот закон?*).

Обобщая сказанное выше, отметим, что количественный аспект информации в политическом диалоге оказывается во многих случаях неотделимым от качественного: как избыток, так и нехватка информации подвергаются особенно суровому осуждению, будучи сопряжены с такими свойствами информации, как достоверность (например, приравнивание умолчания ко лжи), репрезентативность (к примеру, угроза принятия необоснованных решений в ситуации ажиотажа), доступность (скажем, разглашение конфиденциальной информации), а также с некоторыми речеведческими ошибками, например ролевой неуместностью высказываний политика (ср. публичную критику правительства американскими военными).

Кроме того, избыток информации, судя по нашему материалу, проявляется себя более разнообразным репертуаром как превентивных речевых действий, имеющих целью его предотвращение, так и реагирующих коммуникативных ходов, направленных на изобличение/устранение избыточности. Более подробная разработанность данного сегмента метакоммуникативных речевых действий может означать, что в профессиональной деятельности политики чаще сталкиваются с ситуацией избыточности информации, чем ее нехватки.

На наш взгляд, «подсудность» политического дискурса [Кара-Мурза 2009] приводит не только к появлению сложной системы законодательных норм и соответствующих процедур,

регулирующих речеповеденческие аспекты коммуникативной деятельности политиков (например, процедура лингвистической экспертизы), но и влечет за собой сенсибилизацию политических персон к любым речевым ошибкам оппонентов, а также акцентирует значимость метакоммуникации в общении политиков. Кроме того, появление у коммуникативного мониторинга статуса важной повседневной задачи, решаемой в рамках политического диалога, позволяет считать такой мониторинг одной из разновидностей речевой деятельности, в которой проявляется специфика политического мышления [Чудинов 2006: 82].

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э. В., Камышева О. С., Лекарева Е. В., Чудинов А. П. Критика текста в американской политической лингвистике // Политическая лингвистика. 2010. № 1. С. 175–177.

Кара-Мурза Е. С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2009. № 1. С. 47–71.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта – Наука, 2006.

Beard A. The Language of Politics. – London: Routledge, 2000.

Dictionary of Politics and Government / P. H. Collin. 3rd ed. – London: Blumsbury, 2004.

Ilie C. Discourse and metadiscourse in parliamentary debates // Journal of Language and Politics. 2003. Vol. 2, № 1. P. 71–92.

Ilie C. Insulting as (un)parliamentary practice in the British and Swedish parliaments: A rhetorical approach // Cross-cultural perspectives on parliamentary discourse [Ed. by P. Bayley]. – Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 45–86.

© Сивенкова М.А., 2010